

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №1, Том 10 / 2019, No 1, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/28FLSK119.pdf>

Статья опубликована 04.06.2019

Ссылка для цитирования этой статьи:

Болдырева С.М. Фольклорные заимствования в произведениях М. Семёновой // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/28FLSK119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Boldyreva S.M. (2019). Folklore borrowings in the novels of M. Semenova. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/28FLSK119.pdf> (in Russian)

УДК 8

Болдырева София Михайловна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
«Историко-филологический» факультет, кафедра «Филологии»

Аспирант 3 года обучения (специальность направления 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»,
программа подготовки: Русский язык)

МБОУ «Лицей №9» города Белгорода, Белгород, Россия

Учитель русского языка и литературы

Магистр (44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа – Языковое образование)

E-mail: sofkasov@yandex.ru

**Фольклорные заимствования
в произведениях М. Семёновой**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу фольклорных заимствований в романе «Тот, кого я всегда жду...» М. Семеновой. Анализ собранного языкового материала романа предполагает, что данные языковые единицы репрезентируют языковую картину мира автора, выполняя роль стилиобразующего фактора.

Ключевые слова: народно-поэтическая лексика; языковая картина мира; псевдофольклорная лексика; фольклор; стилизация; М. Семенова; славянское фэнтези

Роль народно-поэтической лексики (НПЛ) в формировании языковой картины мира М. Семёновой невероятно высока, именно данная лексика является основой понимания языковой картины мира автора, представляющей собой компиляцию и объект новых отраслей лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. М. Семенова создает свои произведения в жанре «славянское фэнтези», являющемся необычным для современной литературы.

Доктор филологических наук профессор С.А. Кошарная в своей работе «*Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира*» называет народно-поэтическую лексику фольклорные заимствования основой строения языковой картины мира у множества современных писателей [1].

Для НПЛ характерны следующие свойства: яркость, образность описаний и характеров, певучесть речи и особый слог [2].

Основная функция народно-поэтической лексики состоит в описании, создании литературных произведений и художественных образов. Эта лексика используется именно для того, чтобы задействовать воображение каждого читателя и слушателя [1, с. 73].

Творчество М. Семёновой неоднократно подвергалось анализу литературной критики (М. Мещерякова [3; 4], С. Разводов [5]), однако закономерности стиля, художественной картины мира этой писательницы представляют широкий простор для работы исследователей. Как пишет С. Разводов, «место в фантастическом ареопаге ей уже заказано, резолюция: «За открытия славянского фэнтези» [5]. В книгах Марии Семёновой всегда находится место бойцовским псам, хорошим боям и исконной сермяге. Азарт как при добывании огня трением. При этом Семёнова значится в издательствах под рубрикой «Детская литература». «Мне там уютно», – иронически говорит она. И действительно, по прочтении этих стопудовых авантурных феерий возвращается детская вера в простое, большое и доброе. Профессор Преображенский всегда замечал, что воспитание человека возможно лишь через внушение и нежность. Фантастические внушения Марии Семёновой, при всех прочих особенностях жанра, увлекательны, как мамины колыбельные»¹.

Колорит эпохи всегда тесно взаимосвязан с содержанием, общим замыслом произведения, со стилем и индивидуальностью восприятия мира автором. Колорит эпохи – это один из самых важных средств эстетической, эмоциональной выразительности, часть художественного образа. В рассматриваемом романе читателю удается погрузиться в фантастический мир дохристианской, языческой Древней Руси. Было установлено, что в романе «Валькирия» важнейшим лексическим средством стилизации речи дохристианской Руси служат архаизмы и историзмы.

Вместе с функцией создания исторического колорита перекликается еще одна – функция создания быта самых разнообразных социальных прослоек Древней Руси. Этим творится так называемый местный колорит, который является однородным историческому колориту, нередко с ним сочетается и его дополняет.

Как продолжатель традиций русской классической литературы М. Семёнова умело использует весь арсенал изобразительно-выразительных средств, сочетая в одном контексте разнообразные тропы и стилистические фигуры.

«Двуплановость» романа определила выбор автором лексических средств. Анализ собранного языкового материала романов позволяет говорить о том, что фольклорные архаизмы, просторечные единицы, имена собственные, обращения, символы образуют лексико-семантические поля и группы, которые репрезентируют языковую картину мира писательницы и обеспечивают ей возможность реконструкции исторической действительности.

Писатели-современники, воссоздавая события тысячелетней давности и пропуская их сквозь призму своего восприятия, художественно описывают «живой и звучащий» мир, в котором люди не успели потерять способность видеть в лесу – лешего, духов, в реке – русалку, водяного. В произведениях мы видим переходный период развития язычества 2 (обожествление природы, одушевление живого и неживого окружающего мира) и 3 (появление богов) этапов. Человек на этих этапах уже может, а иногда учится воспринимать и уважать природу как самое себя.

В современной литературе, как мы уже указывали ранее, можно столкнуться с явлением специального столкновения разных языковых стилей, часто писатели стремятся полностью отказаться от использования классических народных обращений, именовании. Более того,

---

¹ Сетевое издание. Режим доступа: www.harbor.ru/glavn/msemen.html.

современная проза и поэзия зачастую специально сталкивает элементы разных языковых стилей, пытается почти полностью отказаться от использования поэтических “избитые” и “затасканные” слов. Народно-поэтический же стиль достаточно устойчив в выборе лексических элементов: *добрый молодец, красна девица, белы ручки, тоска-кручина, горе-горемычное, леса дремучие, мать – сыра земля, буйная головушка, пригорюниться* и т. п. [6, с. 123]

В произведениях в изобилии представлены народно-поэтические слова, характерные для устной народной поэзии, например: *детинушка, долюшка, дороженька, лазоревый, кручина, муравушка, думушка и другие*.

Наличие этих слов в тексте, безусловно, значимо: они формируют особое фантазийное пространство и создают эмоционально положительное впечатление. Народно-поэтические слова являются средством выражения общенационального русского характера [7]. Важную роль играет факт применения в текстах, в частности, традиционных метафорических наименований человека: *сокол, орел, голубка, лебедь* и т. д.

Сокол – употребительное наименование молодого человека, мужчины в текстах романов М. Семеновой. И это не случайно. Сильная и смелая, именно эта птица изображена на доспехах посвященных воинов:

«И в святой храмине, принимая на тело огненное Соколиное Знамя, уж как-нибудь не оплошаем».²

Говоря о молодых мужчинах из деревни, сильных воинах и других персонажах мужского пола, отличающихся достоинством и др. положительными чертами, герои используют слово *сокол* в сочетании с устойчивыми определениями:

- *«и женихи сизокрылыми соколами слетятся к порогу: от воина сумела родить!»*³;
- *«варяги, залётные соколы, знали, как выглядит земля из-под облаков»*⁴.

Образ *орла*, напротив, является символом зрелого мужчины, в частности, героиня обращается к старшему со следующей фразой: *«Что ж ты, батюшка орёл...»*⁵.

Изящность у мужчин, девушек репрезентирована народно-поэтическим символом грациозной и красивой птицы – *лебедя*:

- *«вождь ехал опушкой леса назад; долгогривый Марах плыл серебряным лебедем, раздвигая густое белое молоко»*

При этом в тексте М. Семеновой данная номинанта употребляется не только в мужском роде, закреплённом в современном языке, но и как слово женского рода, что полностью соответствует народно-поэтической традиции:

- *«...краса, привыкшая к почтению и любви, выступала белой лебедью...»*⁶;
- *«...выступала лебёдушкой и непременно старалась пройти поближе к вождю»*⁷.

² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 160.

³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 14.

⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 14., с. 186.

⁵ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 484.

⁶ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 27.

⁷ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 267.

Автор неоднократно использует орнитонимы в качестве символа свободы и лёгкости. Отметим, что значительным количеством орнитонимов оперирует русская народно-песенная традиция. Так, например, в сборнике М.Г. Халанского «Народные говоры Курской губернии (заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии)» (вышел в свет в 1904 г.) орнитонимы отличаются частотностью. Птица соединяет небо и землю, является проводником между божественными силами и человеком. И в текстах М. Семеновой мы видим традиционные смысловые и символические реализации орнитонимов:

- *«взмыл бы **птицей** – не пустит Злая Берёза, обиженная прапращуром»⁸;*
- *«грозная **птица** взмахнула длинными крыльями, кидаясь вниз из пасмурной тучи» (именование молнии птицей)⁹;*
- *«вот-вот покажется из тумана знакомый стяг – белая **птица**, мчащаяся по алому полю»¹⁰;*
- *«А он будет сильный и большой, **орёл** против меня, **птенчика желторотого**. Что ж не быть **птенчиком** у такого-то под крылом»¹¹.*

В последнем контексте героиня сравнивает себя с молодой птицей, только вступающей в жизнь, исходя из чего автор употребляет фразеологизм «*птенец желторотый*» со значением «человек, только вступающий в самостоятельную жизнь, не имеющий практического опыта»¹².

В то же время тот, кого героиня именует описательно: «Тот, кого я всегда жду», – сравнивается с сильным и гордым *орлом* (мужской символ, характерный русской былине).

Следует также отметить присутствие в текстах М. Семеновой характерное народной традиции употребление слов и клишированных сочетаний со смысловым оттенком уважительности, торжественности, поэтичности, приподнятости, близки к художественному стилю, хотя могут использоваться и за его пределами в соответствии с коммуникативными целями говорящего или пишущего. В роли высоких слов выступают в произведении и типичные для фольклора формулы, например: *красна девица, девица-краса, добрый молодец, стать молодецкая, лебёдушка, трава-мурава* и другие:

- *«...и попотчевала бы, да обидеть боюсь, не умею звать-величать, то ли **добрым молодцем**, то ли **красной девицею**...»¹³;*
- *«и вдруг смотрит Пригляда – идёт к ней из чащи **добрый молодец** и улыбается, а у самого на плечах плащ серого меха и глаза зелёными искрами посверкивают»¹⁴;*
- *«спасибо, **добрый молодец**. А Славомир выслушал, как было дело, и плюнул в сердцах»¹⁵;*

⁸ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 186.

⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 158.

¹⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 159.

¹¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 12.

¹² Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, 2008. – 828 с., с. 204.

¹³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 109.

¹⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 42.

¹⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 199.

- «спасибо, **добрый молодец**, что привел непутевую! Вот я тебе, горюшко мое...»¹⁶;
- «ты, **добрый молодец**, здесь что позабыл? – спросил он, загоразживая жену»¹⁷;
- «а ты, **добрый молодец**, прямо на рать собираешься, – заметил Зычко»¹⁸;
- «Здравствуй, **добрый молодец!**» – сказала она ласково. И Волкодав понял»¹⁹;
- «...**стать молодецкая**, волосы чище золота, усы – во, а глаза, куда там»²⁰.

Несколько раз встречается и формула обращения *гой еси*: «**Гой еси**, государыня»²¹. В большом словаре русских поговорок мы находим это обращение с обозначением приветственная былинная формула «Будь здоров»²².

Обратим внимание на уподобленные фольклорным формам глаголы *попотчевала бы*, *посверкивают*; фразеологизмы: *плюнул в сердцах*; прилагательные: *непутевую*, *молодецкая*, а также имена собственные: *Пригляда* и т. п.

Таким образом, в художественной речи автором используются элементы разнообразных стилистических вариантов национального языка. Иногда исследователи выделяют так называемые поэтизмы: *лира*, *диво*, *нектар*, *дева*, *дивный*, *былой*, *отчий*, *гласить*, *лелеять*, *пламенеть* и т. п. Данные номинации также присутствуют в произведениях М. Семеновы. Так, народно-поэтическое слово *диво* со значением «то, что вызывает удивление, чудо» очень часто встречается на страницах книги:

- «упорен, знать, и **на диво** силён был незнакомец»²³;
- «ещё **диво**, которое я вряд ли когда-нибудь погляжу»²⁴;
- «неизвестный корабль оказался **на диво** проворен»²⁵;
- «**диво**, я ещё двигалась»²⁶;
- «**дивное диво**, девичья красота...»²⁷;

Совершенно особый круг образует народно-поэтическая лексика: *горюшко*, *кручина*, *погожий*, *пригожий*, *лазоревый* и другие.

¹⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 149.

¹⁷ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 40.

¹⁸ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 156.

¹⁹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 176.

²⁰ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 320.

²¹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 195.

²² Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 785 с., с. 298.

²³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 224.

²⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 227.

²⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 342.

²⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 367.

²⁷ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 40, с. 429.

«Горюшко» по большому словарю русских поговорок трактуется как «несчастье, печаль, скорбь, в поговорках – жить в нищете, испытывать лишения»²⁸. В романе мы читаем: «*Непутёвая! Вот я тебе, **горюшко** моё, советую...*»²⁹.

В толковом словаре Ожегова прилагательное *погожий* трактуется как «хороший, благоприятный в отношении погоды»³⁰. Автор не пытается извратить значение и использование слова, всегда уместно применяя его по случаю:

- «*стояли деньки тёплые и **погожие**, так что идти было иногда даже жарко*»³¹;
- «*хорошо хоть день простоял **непогожим**, не обманул*»³²;

Прилагательное *пригожий* используется тоже по прямому своему значению: в отношении природы или же, в первую очередь, человека. В толковом словаре Д.Н. Ушакова *пригожий* определяется как народно-поэтическое слово и применяется по отношению к людям: красивый, с привлекательной наружностью. О погоде: ясный, тёплый, солнечный»³³:

- «*пошла за охотника **пригожая** девка...*»³⁴;
- «*из-под деревьев, суля **пригожий** денёк*»³⁵.

Основные особенности художественной речи вселенных М. Семёновой заключаются не в присутствии каких-то специальных слов художественного стиля, а в особом использовании любых слов в художественно-выразительных целях. Часто её героини употребляют слова, свойственные только простой разговорной речи, а именно диалектной и просторечной. Присказки, определения слов, время от времени пробивающиеся сквозь образы и слова полногласие в словах («*насилно везли прочь, продавали **холопьями** где-то в дальней чужой стране*»³⁶).

Интересно использование устойчивых выражений, пришедших в язык из далёкого язычества. Героини не единожды повторяют во время критических ситуаций «*щур меня*»:

- «*я взгляделась, заслоня глаза рукавицей. Ой, **щур**, спаси меня!...*»³⁷;
- «*ой, **щур**, спаси меня, **щур!**.. **Дедушка** любимый, не выдай*»³⁸;

---

²⁸ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 785 с., с. 310.

²⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 245.

³⁰ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 785 с., с. 625.

³¹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 169.

³² Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 226.

³³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.), т. 2, с. 256.

³⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 14.

³⁵ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 156

³⁶ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 14.

³⁷ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 22.

³⁸ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 68.

Щур в значении по словарю Д.Н. Ушакова «щура, м. (этнол.). В славянской мифологии – предок, родоначальник, домовый (ср. пращур)»³⁹ заменяет всем знакомое современное «чур», которое, по мнению множества исследователей XIX века, слово восходит к имени славянского бога родового очага, оберегающего границы земельных владений. Такое понимание было популярно среди учёных XIX века.

В.О. Ключевский отмечал: «Обоготворённый предок чествовался под именем чура, в церковнославянской форме щура; эта форма доселе уцелела в сложном слове пращур... Предание, оставившее следы в языке, придаёт Чуру значение, одинаковое с римским Термом, значение сберегателя родовых полей и границ».

Подобное пояснение присутствует и в малом словаре Брокгауза и Ефрона: «Чур, славянск. мифол. божество пограничн. знаков, покровительствовало приобретению и наживе. Символ – чурки и чурбаны, то есть межевые знаки»⁴⁰.

При этом Макс Фасмер отрицает связь слова *чурка* и семантики границы с выражением «*чур меня!*» Как недостоверные этимолог приводит версии происхождения междометия от русского *чёрт*, заимствования из греческого или чувашского. Ко времени активного развития творчества исследователя в науке накопилось немало весомых аргументов, которые ставили под сомнение это божество⁴¹.

Так или иначе, мы можем с твердостью отметить, что семёновский *щур*, к которому в трудный момент жизни обращаются все герои, является предком, так как «*щур*» и «*пращур*» отождествляются и являются одновременно и определенными предками действующих лиц, к помощи которых они страстно призывают. К примеру, *пращур – дед Мал* у Зимы, о котором она много раз вспоминает: «*пращур мой не стал ждать, пока нападут*»⁴².

Но и в момент опасности она причитает, взывая к Малу:

«*Ой, щур, спаси меня, щур!.. Дедушка любимый, не выдай*»⁴³.

Более того, «*пращур*» в понимании человека вселенной художественных текстов М. Семёновой – это одновременно все предки, ушедшие в мир иной, соединившиеся с окружающим миром и природой, а ещё и отдельные лица из тех, кого герои знали при жизни, что также согласуется с фольклорной традицией. В моменты упоминания предков в форме собирательного образа, герои передают читателю в достаточно размытой (но понятной всем читателям) форме вековую мудрость, поверья и обычаи, которые заключены в современных произведениях УНТ, принципах праведной жизни и правилах человеческого общежития:

- «*обижать пращуров не хочется никому: осердятся мёртвые – не будет живым ни урожая, ни здоровых детей*»⁴⁴ – об уважении к предкам;

³⁹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.), т. 4, с. 650.

⁴⁰ Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона онлайн. Режим доступа: www.vehi.net/brokgauz.

⁴¹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986, с. 265.

⁴² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 14.

⁴³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 68.

⁴⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 69.

- «к его немалому облегчению, Дикерона воспринял эти слова совсем не так, как какой-нибудь житель Нарлака, давно позабывший о вере **пращуров** и своем»⁴⁵ – о понимании, которое есть лишь у того, кто знает свою историю, своих предков;
- *Ни прижиться – горек хлеб,
Не рукою материнской
Спеченный,
Не в отеческой печи,
Не от дедовской свечи,
Не на **пращуров** земле*

*Разожженной*⁴⁶ – стихотворение о судьбе, которая иногда бывает жестокой, но всегда указывает истинный путь герою.

Некоторые из этих поверий нам не очень хорошо знакомы. К примеру, женская рука должна первой взять топор и начать расчистку места под новое поселение:

«Мудрые **пращур**ы знали неколебимо: нет спасения нечисти от топора в женской руке»⁴⁷.

Или же примета присутствия предков рядом с живыми:

«Когда над ней (землёй в контексте) горит зеленая радуга, мы знаем, что это **пращур**ы радуются за нас»⁴⁸.

Мудрость предков предстаёт перед нами в тексте и без их упоминания, обычно это «формульные» предложения или их части, которые показывают причину и следствие того или иного поступка действующих лиц [8, с. 16]. Они предстают перед нами в виде сравнительных оборотов, устойчивых сочетаний, ярких народно-поэтические сравнений, сравнительных оборотов и метафор:

- заливаются, «**как два бубенца**», т. е. раздаётся звонкий смех;
- метель накрывает «**пуховой периной**» – сравнение классическое для устного народного творчества – ‘мягко застилать, укрывать с головой’;
- герои сгоняют «**смертную дрёму**» – аналогичное устойчивое выражение *смертный сон* так же имеет фольклорное происхождение;
- луковками обозначает автор метафору со значением «маленькие девочки, которые станут по мере взросления, как луковицы цветов, прекрасными»;
- «сама я видела только, что **красное яблочко всё-таки покатило мне в руки: воины одобрительно зашумели и вождь вроде поколебался**»⁴⁹ – устойчивое выражение, сравнение с лёгкой победой: *само катится (идет) в руки*, кроме того вновь использован фольклорный символ – *красное яблочко* (вспомним русские сказки: «...катись яблочко по тарелочке»);

⁴⁵ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 96.

⁴⁶ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 259.

⁴⁷ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 48.

⁴⁸ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 56.

⁴⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 165.

- «я уже говорила: для новой жизни надо снова родиться, а перед тем умереть. Родится мужняя женщина – девушка умирает. Родится кметь – отроком меньше»⁵⁰ – рассказ героини об обряде инициации.

О той же символизации в народной культуре «смерти» в одном качестве и возрождении в другом пишет в своем пособии С.А. Кошарная: «Белый – это цвет савана и цвет подвенечного платья невесты, умирающей в день свадьбы в одном качестве (отсюда традиционные свадебные плачи), чтобы возродиться в другом» [8, с. 34].

Заметим, что даже в качестве эпиграфов М. Семёнова использует два предложения из устного народного творчества. Так, из русской народной песни заимствуется следующая фраза: «Гой ты, берёзка мы тебя срубили, сгуби и ты мужа, сломи ему голову на правую сторону, с правой на левую». Частью ритуальной песни является эпиграф: «Я иду учить тебя смеяться...»⁵¹.

Таким образом, мы видим, что обращение к мотиву пращуров характерно героям романов М. Семеновой, что, в свою очередь, характеризует языковую картину мира писательницы как ориентированную на фольклорную традицию в целом.

Ещё одним фольклорным знаком в текстах автора является *мотив родового проклятья*. Согласно русским поверьям, родовое проклятие, которому подвержены многие герои романов М. Семёновой, существуют и распространяются на 7 или 9 поколений потомков. При этом родовое проклятие чаще связано кем-то из предков, которые совершили ряд очень серьёзных проступков. Мир героев автора – это мир, в котором проклятье за вину пращура, уничтожившего семью деревьев, ложится на всех его потомков надолго. Мир героев полон духов, которые могут говорить с живыми, *ледяная вода* и *железо* (вновь народные символы) карают виноватых и милуют правых, *меч* исцеляет нанесенную рану, а *гейсы* (правила вождя), будучи нарушенными, неизбежно и жестоко мстят. Всё это является более важным, с точки зрения и героев, чем горькие девичьи слезы.

Мы имеем дело с ирреальным миром, а потому автор реализует возможности элементов устного народного творчества народа, объединяя художественную языковую картину мира с фольклорной [9]. При этом в романах нет традиционных героев фольклорных героев, таких как Кощей, Баба Яга, Василиса и проч. В тексте свойства и качества этих героев волшебной сказки переносятся на реальные действующие лица, которые находятся, как и сюжет, в постоянной динамике.

Писательница адаптирует язык фольклора под фантазийный мир, в котором живут её герои, делая его интересным и магнетически притягивающим для читателя, погружающим читающего в кажущуюся старину. В силу этого в текстах романов М. Семеновой частотны **лицетворения**, так характерные русскому фольклору:

- «...и **Злая Берёза** глядела через тын будто с укором»⁵²;
- «...**прости, змёюшка**, – сказала я виновато, – **не сердись на топотунью невежливую**. Вернулась бы. Не мал камешек, не подерёмся»⁵³;
- «...земляничная **поляна осушила детские слезы**»⁵⁴;

⁵⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 92.

⁵¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 5.

⁵² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 31.

⁵³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 7.

⁵⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 10.

- «...*мохнатая ёлка-шатёр поманила спрятаться от дождя... я и проспала под ней до утра, как на полатях*»⁵⁵;
- «... *раздвину шепчущие камыши и войду в воду по пояс, и шёлковые пиявки заснут у голых лодыжек. Не спущу тебе, – шёпотом скажу я своему отражению в чёрной торфяной глубине*»⁵⁶;
- «...*тогда Мать-вода запомнит, как я обаграла свой меч. Она не станет болтать, хоть потому, что и ей перепадёт несколько капель...*»⁵⁷.

В последнем контексте обращает на себя внимание сочетание с приложением *Мать-вода*, построенное автором по модели фольклорного *мать-земля*.

Ещё одна группа слов, которая свойственна фольклору, – **диминутивы**. Диминутивы – это слова, передающие субъективно-оценочное значение малого объема, размера и т. п., обычно выражаемое через уменьшительные аффиксы. Значение уменьшительности сопровождается всевозможными вариантами эмоционально-экспрессивной окраски.

В устном народном творчестве заслуживает особого внимания обилие диминутивов в заговорах [9, с. 25]. Там они используются не только в качестве обращений: *батюшко, хозяйюшка, соседушко, атаманушко, доможирушко, соловеюшко, ночка*, но и в основной части высказываний: *подворьще, коровушка* и т. п. Важно подчеркнуть, что диминутивные производные слова свойственны не только заговорам и оберегам, но и причитаниям, что позволяет предположить совпадение в ряде параметров поддерживаемых этими фольклорными жанрами социальных процедур, а следовательно, наличие специфических отношений, существующих между причетом и заговором и обнаруживающих себя в языковом оформлении этих текстов. Большое количество слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами используется в стихах народных поэтов (среди них – Н.А. Некрасов, А.В. Кольцов и др.). Даже А.С. Пушкин в ряде своих произведений, базирующихся на фольклорном материале, использовал диминутивы с целью создания сказового (сказочного) повествования («Сказка о Царе Салтане», «Сказка о мёртвой Царевне» и др.) [10, с. 319].

То же мы обнаруживаем в текстах М.А. Семёновой, в которых диминутивы выполняют роль, схожую с той, которую они выполняют в русском фольклоре. С помощью диминутива можно передать субъективно-оценочное отношение, а не только значение малого размера, объема и так далее. При этом диминутив может реализовывать как *уменьшительно-ласкательное значение* (*кошечка, домик, ключик*), так и *уменьшительно-пренебрежительное* или же *уничижительное* (*людишки, царьки, народишко*) [11].

По нашим наблюдениям, *уничижительная* форма не представлена в текстах М.А. Семёновой, что уже само по себе показательно в контексте творческой задачи, которую решает автор: уважительное к истории воссоздание ушедшей в прошлое реальности, определившей традиции и путь народа.

К *уменьшительно-пренебрежительной* форме можно условно отнести следующее словопотребление:

- «*отожму одежонку, натяну сухую рубашку да вязаные копытца и усмехнусь*»⁵⁸;

⁵⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 9.

⁵⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 174.

⁵⁷ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 175.

⁵⁸ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 46.

В то же время мы обнаружили немало уменьшительно-ласкательных форм, образованных при помощи различных суффиксов.

Проанализировав **50** уменьшительно-ласкательных слов, которые встречаются в текстах автора, мы установили, что наиболее частотными суффиксами оказываются суффиксы *-онк/оньк-* и *-еньк/енк-* с уменьшительно-ласкательной семантикой (**27** слов):

1. «...в разливе **прямо́хонько** перед нами явился корабль»⁵⁹;
2. «Ярун прыжком повернулся на лыжах и нырнул в **сосенки**»⁶⁰;
3. «...не потеряла дороги – явилась **прямо́хонько** в дом»⁶¹.

Следующими по частотности (после суффиксов *-онк/оньк-* и *-еньк/енк-* с тем же значением уменьшительно-ласкательности) находятся суффиксы *-ушк/юшк/ышк/ишк-* (**15** слов):

1. «...прости, **змёюшка**, – сказала я виновато, – не сердись на топотунью невежливую»⁶²;
2. «...вещий **хлебушко** лёг славно, верхней корочкой кверху – к мальчишкам»⁶³;
3. «...любопытные маленькие **колюшки** тыкались в мою голую кожу»⁶⁴.

Третьим по частотности стал суффикс *-ек-* со значением уменьшительно-ласкательного отношения (**4** слова):

- «врылась в слежавшуюся хвою, достала залитый воском **горшочек**»⁶⁵;
- «даже глиняный **светильничек**»⁶⁶.

Прочие уменьшительно-ласкательные суффиксы использованы автором в единичных случаях.

Таким образом, рассмотрев функции фольклорных заимствований в текстах М. Семеновы, мы можем сделать следующие выводы.

В целом фольклорные элементы выполняют текстообразующую роль и создают неповторимый идиостиль автора [7, с. 145]. Кроме того, данные элементы выполняют функции традиционных символов (*сокол, орел, лебедь* и т. п. – всего **около 40 единиц**, при этом только в одном из романов – «Волкодав» – слово *сокол* употребляется в символическом значении **32 раза**, а лексема *орел* – **7 раз**, что говорит о значимости данных символов в контексте произведений автора). Элементы, заимствованные из фольклора, выступают в роли оценочных слов, которые характерны для устно-поэтической традиции и экспрессивно окрашенной речи. В частности, эту функцию выполняют диминутивы, составившие **50 единиц**, которые повторяются во всех текстах автора не менее 5–8 раз в каждом романе. Большинство диминутивов в произведениях автора репрезентируют положительную оценку. *Уничжительные* факты не представлены в текстах М.А. Семёновой, что уже само по себе

⁵⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 18.

⁶⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 359.

⁶¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 60.

⁶² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 7.

⁶³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 9.

⁶⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 247.

⁶⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 363.

⁶⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 12.

показательно в контексте творческой задачи, которую решает автор: уважительное к истории воссоздание ушедшей в прошлое реальности, определившей традиции и путь народа.

В романах М. Семеновой частотны олицетворения (**86 единиц**), которые также характерны произведениям устного народного творчества. Так, олицетворение леса и земли только в романе «Валькирия» наблюдается более 20 раз, воды и воздуха – более 10 раз.

Ряд авторских образований строится по модели фольклорных элементов. Так, например, сочетание с приложением *Мать-вода* построено автором по модели фольклорного сочетания *мать-земля*.

Таким образом, устное поэтическое творчество народа, элементы которого активно использует автор, включает в себя различные жанры словесного творчества: это и обрядовые песни, причитания, сказки (именуемые былинами), предания, легенды, пословицы, загадки, былины, исторические и лирические песни, частушки и т. д. Элементы данных жанров играют значимую роль в реконструкции исторической действительности, воссоздаваемой М. Семёновой в её произведениях, создании языковой картины мира и стилообразовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошарная, С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
2. Копорская, Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М., 1988. – 231 с.
3. Мещерякова М. Семенова Мария Васильевна // Русская фантастика XX века в именах и лицах: справочник / под ред. М.И. Мещеряковой. – Москва: Мегатрон, 1998. – С. 109–113.
4. Мещерякова М.И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: Проблемы поэтики. М., 1997.
5. Разводов С. Разбор древнейших полетов. Советский истребитель и жеваный Толкиен // Газета. 2005. 16 сентября. № 175.
6. Кошарная, С.А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Белгород: Политерра, 2011. – 178 с.
7. Буряковская, А.А. Звонарева, Ю.Н. Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск № 1. – С. 316–321.
8. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.
9. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978 – С. 228–297.
10. Касаткин, Л.Л. Поэтическая лексика // Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1991.
11. Коурова, О.И. Традиционно-поэтические слова и обороты как лексико-фразеологическая парадигма // Слово памяти: Мемориальный сб. статей, посвященный А.К. Панфилову. – М.: МПГУ, 2003. – С. 74–80.

Boldyreva Sofiya Mikhailovna

Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
Lyceum №9 of Belgorod, Belgorod, Russia
E-mail: sofkasov@yandex.ru

Folklore borrowings in the novels of M. Semenova

Abstract. This article is devoted to the analysis of folklore borrowings, which functions in the novel “The One I Always Wait for...” by M. Semenova. Analysis of the collected linguistic material of the novel suggests that these linguistic units represent the linguistic picture of the author’s world and play the role of a style-forming factor.

Keywords: people's poetic vocabulary; language picture of the world; pseudo-folklore vocabulary; folklore; stylization; folk – poetic vocabulary; M. Semenova; slavyan’s fentezi

REFERENCES

1. Kosharnaya S.A. (2002). Mif i yazyk: Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira. [*Myth and language: The experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological picture of the world.*] Belgorod: Publishing house Belgorod State University, p. 288.
2. Koporskaya E.S. (1988). Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni. [*Semantic history of Slavisms in the Russian literary language of the new time.*] Moscow, p. 231.
3. Meshcheryakova M.I. (1998). Semenova Mariya Vasil'evna. Russkaya fantastika XX veka v imenakh i litsakh: spravochnik. [*Semenova Maria Vasilyevna. Russian fiction of the 20th century in names and faces: a reference book.*] Moscow: Megatron, pp. 109–113.
4. Meshcheryakova M.I. (1997). Russkaya detskaya, podrostkovaya i yunosheskaya proza vtoroy poloviny XX veka: Problemy poetiki. [*Russian children's, teenage and youthful prose of the second half of the 20th century: Problems of poetics.*] Moscow.
5. Razvodov S. (2005). Analysis of the oldest flights. Soviet fighter and chewed Tolkien // Newspaper, 175 (in Russian).
6. Kosharnaya S.A. (2011). V zerkale leksikona: vvedenie v lingvokul'turologiyu. [*In the mirror of the lexicon: an introduction to linguistic culturology.*] Belgorod: Polyterra, p. 178.
7. Buryakovskaya A.A. Zvonareva Yu.N. (n.d.). Evolution of the use of diminutives in Russian literature of the XIX century. *News of Tula State University. Humanitarian sciences*, 1, pp. 316–321 (in Russian).
8. Kolesov V.V. (1986). Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. [*The world of man in the word of ancient Russia.*] Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, p. 312.
9. Vinogradov V.V. (1978). Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. [*Selected Works. History of Russian literary language.*] Moscow, pp. 228–297.
10. Kasatkin L.L., ed. by P.A. Lekanta (1991). Poeticheskaya leksika. Kratkiy spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku. [*Poetic vocabulary. A brief guide to the modern Russian language.*] Moscow: high school, pp. 228–297.
11. Kourova O.I. (2003). Traditsionno-poeticheskie slova i oboroty kak leksiko-frazeologicheskaya paradigma. Slovo pamyati: Memorial'nyy sb. statey, posvyashchenny A.K. Panfilovu. [*Traditional poetic words and momentum as a lexical and phraseological paradigm. Word of Memory: Memorial Saturday. articles dedicated to A.K. Panfilov.*] Moscow: Moscow Pedagogical State University, p. 74–80.